

Пребываніе Сперанскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ и Перми ¹⁾

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Въ ночь съ 17-го на 18-е марта 1812 года Сперанскій, въ сопровожденіи частнаго пристава Шипулинскаго, выѣхалъ изъ Петербурга. Шипулинскій быстро и исправно выполнилъ возложенное на него порученіе: 23-го марта, въ 8 часовъ утра, онъ уже примчалъ сосланнаго въ Нижній и въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Петербургъ. Шипулинскій повезъ съ собою къ министру полиціи Балашову отъ невольнаго изгнанника письмо ²⁾, при которомъ было приложено и письмо его къ императору Александру. «Въ чемъ состояло это послѣднее письмо, намъ неизвѣстно»—было сказано на стр. 48-й II-го тома «Жизни графа Сперанскаго». «Такъ, дѣйствительно, и было во время составленія и напечатанія нашей книги—писалъ баронъ Корфъ впоследствии;—но по смерти государственнаго канцлера графа Нессельрода, послѣдовавшей въ 1862 году, это письмо было найдено между его бумагами въ подлинникѣ, писанномъ, по-французски, отъ начала до конца рукою Сперанскаго,—новое доказательство крайней, щепетильной осторожности покойнаго нашего дипломата. И при сочиненіи нашей біографіи, и послѣ ея изданія въ свѣтъ, мы по крайней мѣрѣ разъ двадцать говорили о ней съ графомъ; онъ, повидимому, чрезвычайно интересовался нашимъ трудомъ, передавалъ къ нему разныя дополнительныя свѣдѣнія, хвалилъ его исполненіе, можетъ быть, даже свыше мѣры,—и между тѣмъ, послѣ полувѣка, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, когда это письмо уже давно перешло

¹⁾ Дополнительные матеріалы къ „Жизни графа Сперанскаго“.

²⁾ Напечатано въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. II, стр. 47—48.

въ область исторіи, тайлъ его про себя и не сообщалъ намъ! Къ счастью, сынъ его, вскорѣ послѣ смерти отца, не только далъ намъ прочесть это драгоцѣнное письмо, но и самъ его для насъ списалъ». Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» сохранилась точная копія этого письма Сперанскаго, со всеми ошибками и описками, которыя очень естественно объясняются тогдашнимъ его волненіемъ.

Въ 1867 году баронъ Корфъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» нѣсколько дополненій къ «Жизни графа Сперанскаго»¹⁾, въ томъ числѣ онъ предполагалъ помѣстить и это нижегородское письмо Сперанскаго къ императору Александру, но затѣмъ перемѣнилъ свое намѣреніе. «Вотъ, любезный Аванасій Ѳеодоровичъ,—писалъ Корфъ А. Ѳ. Бычкову²⁾ 25-го января 1867 года—пакетъ мой о Сперанскомъ для «Русскаго Архива», съ просьбою переслать его къ Бартеневу³⁾. Къ сожалѣнію, послѣднія событія побудили меня исключить отсюда важнѣйшее: первое письмо Сперанскаго изъ заточенія. Напечатаніе его те перъ было бы крайне несвоевременно, а съ моей стороны, можно сказать, даже и не деликатно».

По смерти графа Нессельрода нижегородское письмо Сперанскаго поступило въ Государственный Архивъ, откуда оно было извлечено не такъ давно и напечатано Н. К. Шильдеромъ⁴⁾.

«Письмо это—читаемъ въ замѣткѣ барона Корфа—особенно замѣчательно тѣмъ, что открываетъ, въ чемъ Сперанскій видѣлъ главную и даже единственную причину своего паденія: именно въ составленномъ имъ проектѣ конституціи (фраза о томъ подчеркнута въ самомъ подлинникѣ). Этимъ же отчасти выясняются и загадочныя слова пермскаго письма Сперанскаго: «вашею (обращаясь къ государю) тайною, а не своею я связанъ». Вся опала произошла вслѣдствіе дѣятельнаго соучастія Александра въ реформаторскихъ идеяхъ его любимца; когда пора послѣднихъ прошла для государя, или была оттѣснена силою обстоятельствъ, тогда онъ рѣшился пожертвовать и Сперанскимъ, съ цѣлью убѣдить общественное мнѣніе, что такого соучастія не существовало и что все это были одни личные замыслы государственнаго секретаря, вдругъ будто бы подмѣченные и откры-

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1867 г., № 3, столбцы 432—455.

²⁾ Которому, по обыкновенію, были присылаемы барономъ Корфомъ для предварительнаго просмотра и исправленія предназначавшіяся къ помѣщенію въ „Русскомъ Архивѣ“ дополненія къ „Жизни Сперанскаго“.

³⁾ Петру Ивановичу, издателю „Русскаго Архива“.

⁴⁾ См. „Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе“, т. III, Спб. 1897, стр. 491—493.

тые. Придворные интриганы явились тутъ только желанными пособниками собственныхъ плановъ государя».

Сообщая нижегородскому губернатору о томъ, какія мѣры должны быть приняты относительно Сперанскаго въ Нижнемъ, Балашовъ, между прочимъ, предписывалъ ему имѣть бдительное наблюденіе, чтобы переписка Сперанскаго была доставляема въ Петербургъ для доклада государю ¹⁾.—Сперанскій въ свою очередь принималъ въ перепискѣ извѣстныя мѣры предосторожности. Такъ, въ письмѣ къ зятю Михаилу Федоровичу Третьякову въ Черкутино, отъ 12-го апрѣля 1812 г., онъ, между прочимъ, писалъ: «Если захотите вы ко мнѣ писать, то не иначе какъ чрезъ г. Астафьева, а никакъ не по почтѣ ²⁾». Упоминаемый здѣсь Астафьевъ былъ нижегородскій помѣщикъ, отставной штабсъ-капитанъ. Но и онъ на дѣлѣ оказался совсѣмъ не надежнымъ комиссіонеромъ. Настоящее письмо Сперанскаго, тоже пересылавшееся черезъ Астафьева, успѣлъ достать отъ него—какъ доносилъ губернаторъ Балашову—«по знакомству и особенной расторопности» полиціймистеръ Бабушкинъ, и хотя подлинное не было задержано, однако копию съ него губернаторъ тотчасъ отослалъ къ министру полиціи.

Къ пребыванію Сперанскаго въ Нижнемъ относится еще слѣдующій эпизодъ, сообщенный барону Корфу княземъ Георгіемъ Александровичемъ Грузинскимъ (бывшимъ въ 1812 г. нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства), но который не былъ включенъ въ «Жизнь графа Сперанскаго», «какъ не подтвержденный (въ то время)—замѣчаетъ Корфъ—никакими другими доказательствами, которыя непременно требовались бы для факта такой первостепенной важности».

«По званію предводителя—писать князь—я состоялъ въ то время подъ главнымъ начальствомъ графа Петра Александровича Толстаго ³⁾, а ему, по обязанности формировать запасныя войска и по разнымъ другимъ порученіямъ, часто приходилось отлучаться изъ Нижняго. При такихъ отлучкахъ всѣ приходившія на его имя бумаги онъ довѣрялъ вскрывать мнѣ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ экстренности, дѣлать по нимъ и исполненіе. Разъ я вскрылъ, такимъ образомъ, отношеніе къ Толстому графа Растопчина, который требовалъ немедленной присылки Сперан-

¹⁾ „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 48.

²⁾ Это мѣсто письма въ печатномъ изданіи „Жизни графа Сперанскаго“ (т. II, стр. 50) было выпущено.

³⁾ Бывшаго съ октября 1807 по октябрь 1808 года посломъ въ Парижѣ, а въ то время начальствовавшего въ Нижнемъ 3-мъ округомъ военнаго ополченія и имѣвшаго особыя уполномочія и по гражданской части.

скаго въ Москву ¹⁾, безъ объясненія, однако, для чего именно. Я отвѣчалъ, что Сперанскій находится въ Нижнемъ по особому высочайшему повелѣнію, и потому я не въ правѣ исполнить это требованіе, а представлю о немъ графу Толстому. Но пока шла переписка, французы вошли въ Москву, и Сперанскій вскорѣ затѣмъ былъ отправленъ въ Пермь, къ великой радости губернатора Руновскаго, освободившагося, наконецъ, отъ плѣнника, котораго каждый шагъ тяготилъ его».

«Но здѣсь—замѣчаетъ Корфъ—рождается вопросъ—и въ этомъ мы и полагаемъ важность факта,—съ какою же цѣлью Растопчинъ отважился на такой самовластный поступокъ? Безъ сомнѣнія, съ одною только,—по крайней мѣрѣ, какъ думали, въ то время, Грузинскій и съ нимъ нѣкоторые другіе,—чтобы ненавидимаго народомъ предать на жертву возбужденнымъ страстямъ, подобно несчастному Верещагину. Ко всегдашней административной политикѣ Растопчина не присоединялась ли тутъ еще, можетъ статься,—какъ ни страшно выговорить—жажда удовлетворенія личной злобѣ?...».

15-го сентября 1812 года Сперанскій, какъ извѣстно, по высочайшему повелѣнію былъ увезенъ, съ фельдъегеремъ, изъ Нижняго въ Пермь. Причиною этой новой мѣры, принятой въ отношеніи его, было донесеніе Балашову нижегородскаго вице-губернатора Крюкова, отъ 22-го августа 1812 г. ²⁾, о разговорѣ Сперанскаго за закускою, 6-го августа, у нижегородскаго архіерея Моисея ³⁾. «Послѣ обѣдни былъ тутъ (у архіерея) и г. тайный совѣтникъ Сперанскій—писалъ Крюковъ,—обѣдать однакожь не оставался, но между закускою, занимаясь онъ съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, кои доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и о успѣхахъ его предпріятій; къ чему г. Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія кампаніи въ нѣмецкихъ областяхъ, при завоеваніи ихъ, онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывалъ ему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще, для сбереженія ихъ, приставлялъ караулъ, чтѣ слышали бывшіе тамъ чиновники, отъ которыхъ о томъ на сихъ дняхъ я узналъ».

¹⁾ Это требованіе содержалось въ письмѣ Растопчина къ графу Толстому, отъ 21-го августа 1812 года (см. въ статьѣ А. Н. Попова „Эпизоды изъ исторіи 1812 г.“, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 г., книга вторая, стр. 409).

²⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 57.

³⁾ Преосвященный Моисей былъ человекъ смѣлый и дерзкій. Въ запискѣ купца Попова о пребываніи Сперанскаго въ Перми находится слѣдующій отзывъ Сперанскаго о нижегородскомъ архіерее: „Я принужденъ былъ пророчить ему, что онъ за разговоры и сужденія свои сорветъ себѣ голову“.

Г. Анатолій Жадовскій (бывшій впоследствии тайнымъ совѣтникомъ) въ запискѣ, доставленной имъ барону Корфу по прочтеніи «Жизни графа Сперанскаго», писалъ по этому поводу слѣдующее:

«Вся исторія нижегородская была произведеніемъ князя Грузинскаго, извѣстнаго и лживостію своею, и всѣми низкими качествами, не исключая ябедничества и даже наклонности къ шпионству и доносамъ, нерѣдко ложнымъ. Онъ, и никто болѣе, былъ виновникомъ ссылки Сперанскаго изъ Нижняго въ Пермь: ибо и самое донесеніе (и неумѣстное, и несправедливое) Крюкова возбуждено и подстрекнуто было княземъ Грузинскимъ, а предубѣжденіе графа П. А. Толстаго противъ Сперанскаго было послѣдствіемъ ложныхъ навѣтовъ и тайныхъ наговоровъ графу того же князя, который въ 1851 году, при нашихъ довольно частыхъ свиданіяхъ и въ Нижнемъ и въ Лысковѣ, почти ясно о томъ высказалъ и при томъ нисколько не краснѣя, лишь изрѣдка поглядывая на меня, какъ хищный волкъ, изъ подлобыя. Если Провидѣніе, всегда правосудное, достойнымъ образомъ наказало князя Грузинскаго, сдѣлавшагося, съ окончаніемъ войны, предметомъ всеобщаго, можно сказать, презрѣнія, несмотря на всѣ средства, которыя доставляло ему его богатое состояніе, и оставило на его долю единственно ханжество, такъ какъ ни одинъ мало-мальски порядочный человекъ не только не навѣщалъ, но и знать его не хотѣлъ, даже, частію, и не смѣлъ, такъ что все свое время, не имѣя способности, ни духу заниматься дѣлами, чтеніемъ, или инымъ чѣмъ, онъ проводилъ какъ бы во снѣ, т. е. въ samozабвеніи и состоя при томъ подъ болѣе строгимъ надзоромъ самого правительства, чѣмъ невинная его жертва Мих(аилъ) Михайловичъ: то орудіе князя (болѣе по глупости, раболѣпству и свойственному людямъ малодушнымъ желанію подслужиться и выслужиться чѣмъ-либо, въ личномъ своемъ интересѣ и видахъ, вышему начальству) Крюковъ, по истинѣ, заслуживая презрѣніе за свой подлый и гадкій поступокъ, не могъ не возбуждать искренняго къ себѣ собогѣзнованія каждаго, знавшаго подробности его обстоятельствъ. Кара Провидѣнія жестоко поразила его—персть Божій тяготѣлъ надъ нимъ. Имѣя хорошее и по всему обезпеченное состояніе, болѣе двухъ тысячъ душъ въ богатыхъ мѣстностяхъ, и только двухъ сыновей, порядочныхъ, хорошо образованныхъ, служившихъ уже офицерами въ Кавалергардскомъ полку по 14-е декабря (1825 года), онъ разомъ лишился ихъ обоихъ, и мнѣ случалось потомъ встрѣчаться съ стариками Крюковыми какъ бы застѣнчивыми, угрюмыми, терзавшимися однимъ: куда преклонить имъ голову, что дѣлать и куда дѣвать ихъ хорошее состояніе, сдѣлавшееся для нихъ, по ссылкѣ дѣтей, въ совершенную тягость и какъ бы въ укоръ въ чѣмъ-то. Дѣтей Крюковыхъ я видѣлъ, въ 1843 году, на поселеніи въ Минусинскѣ и могу засвидѣтельствовать и удо-

стовѣрять въ истинѣ всего вышеизложеннаго и присовокупить, что старшій братъ любилъ и науку, и, въ особенности, литературу, и выпивалъ къ себѣ въ Минусинскъ много журналовъ, не только русскихъ, но и французскихъ и нѣмецкихъ».

«Съ своей стороны—замѣчаетъ баронъ Корфъ—мы можемъ только завѣрить, что рапортъ Крюкова отъ 22-го августа, рѣшившій переводъ Сперанскаго въ Пермь, былъ основанъ именно на доносѣ князя Грузинскаго, который въ томъ рапортѣ и названъ по фамилинъ».

При отъѣздѣ изъ Нижняго Сперанскій послалъ письмо графу П. А. Толстому и просилъ его приложенное письмо доставить государю. Но этого письма Сперанскаго къ государю Толстой не послалъ. Вотъ находящаяся въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» замѣтка барона Корфа, относящаяся къ этому эпизоду:

«Графъ Петръ Александровичъ Толстой, братъ оберъ-гофмаршала, вѣроятно, раздѣлявшій съ нимъ и ненависть къ Сперанскому, участвовалъ нѣкогда въ Прагскомъ штурмѣ и въ славномъ Маціовицкомъ дѣлѣ, при которомъ былъ взятъ въ плѣнъ Костюшко. Получивъ изъ рукъ Екатерины, въ полковничьемъ чинѣ, орденъ св. Георгія 3-й степени и совершивъ съ Суворовымъ знаменитый итальянскій походъ, Толстой, при Александрѣ, былъ сперва с.-петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ (1803—1805), а потомъ (съ октября 1807 по октябрь 1808) посломъ нашимъ въ Парижѣ; съ отъѣздомъ же Наполеона въ Эрфуртъ, удалился отъ дѣлъ и жилъ въ Москвѣ, пока 1812 годъ не вызвалъ его снова на службу. Независимо отъ военныхъ его подвиговъ, Толстой и въ то время, и послѣ, съ тѣхъ поръ, что онъ оставилъ боевое поприще и былъ призванъ, при Николаѣ, къ участию во всѣхъ высшихъ дѣлахъ государственныхъ, представлялъ лицо преимущественно отрицательное. При нѣкоторой остротѣ ума, у него не было ни образованія государственнаго человѣка, ни основательныхъ сужденій, а главное—все подавлялось въ немъ неопредѣленнымъ равнодушіемъ къ дѣламъ, въ связи съ истинно-невообразимою лѣнностію. Всѣ важнѣйшіе вопросы и дѣла, общественные и частные, въ его глазахъ были всегда—любимое его выраженіе—«плевое дѣло». Отъ этого, вѣроятно, если не вслѣдствіе своей ненависти, онъ и письмо Сперанскаго оставилъ безъ дѣйствія, или, какъ рассказывалъ Филимоновъ¹⁾, просто разорвалъ. Отпусковъ ихъ, къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли».

Въ Пермь Сперанскій пріѣхалъ 23-го сентября 1812 г. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ онъ жилъ одно время въ домѣ

¹⁾ Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ (р. 1787 † 1858), довольно извѣстный литераторъ, состоявшій въ 1812 г. за адъютанта при графѣ П. А. Толстомъ (см. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 68).

купца Ивана Николаевича Попова, который доставилъ впоследствии барону Корфу записку о жизни Сперанскаго въ Перми. Въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. II, стр. 73—79) приведены нѣкоторыя выписки изъ этой записки. Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ изъ нея выдержекъ, не попавшихъ въ печатное изданіе книги:

«При семействѣ перемѣнилъ Михайла Михайловичъ свои занятія. Утромъ, до прогулки, училъ дочь словесности и другимъ предметамъ; прогуливался всегда съ нею; послѣ обѣда читалъ вслухъ для домашнихъ легкія сочиненія, романы и т. п., или катался съ дочерью съ нарочито устроенной при квартирѣ горы (кагушки) на кожь, или лубкѣ; вечеромъ, довольно часто, дочь съ двоюроднымъ братомъ ¹⁾ и дядею Козьмой Михайловичемъ ²⁾ выдумывали какіе-нибудь фарсы, напримѣръ они и всѣ люди наряжались воинами, заставляли его бѣгать отъ нихъ по комнатамъ, и въ кабинетѣ, когда всѣ успѣвали его окружить, дочь приставляла къ груди его кинжалъ, съ крикомъ: «сдавайся, злодѣй-измѣнникъ!». Шутки таковыя выдумывались съ разными перемѣнами. Домашніе думали, что доброе дѣло дѣлаютъ, а напротивъ только досаждали ему, чего онъ, однакожъ, никогда не давалъ замѣтить.

«Когда наступила весна, съ того времени до глубокой осени, Михайла Михайловичъ прогуливался четырежды въ день, дважды до обѣда, въ ту же минуту послѣ обѣда (но въ эту прогулку такимъ тихимъ шагомъ, что на какихъ-нибудь сто сажень требовалось едва-ли не болѣе получаса), и наконецъ вечеромъ, при чемъ онъ уходилъ съ книгою въ лѣсокъ на крутомъ берегу Камы и читалъ тамъ почти до захожденія солнца. Лѣтомъ онъ, можно сказать, не жилъ въ домѣ и одѣвался очень, очень легко; осенью и зимою ходилъ скоро и мѣховаго платья не носилъ. Никто никогда въ Перми не видалъ на лицѣ его огорченія, задумчивости и печали: оно всегда было живое и веселое. Только дважды, и то на нѣсколько минутъ, привелось мнѣ замѣтить противное, именно въ первый разъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Пермь, когда привезенный имъ съ собою молодой крѣпостной человекъ уходилъ съ квартиры и не являлся дня по три, что было не однажды. Ему горя мало было, что баринъ долженъ будетъ все самъ для себя дѣлать. Разъ, входя въ комнату Михайла Михайловича по своей надобности, я засталъ его растирающимъ табакъ; не давъ еще мнѣ сказать о моемъ дѣлѣ, онъ съ улыбкою произнесъ: «трудивыйся да ясты!». Въ такое свое безвременье онъ даже самъ приготавливалъ свой гордеробъ, никакъ не позволяя выполнять эту послугу нашимъ людямъ, хотя она предлагалась съ величайшимъ радушіемъ. Въ другой разъ, когда губернаторъ не хотѣлъ

¹⁾ Вѣроятно, дядею по матери, Франсисомъ Стивенсомъ.

²⁾ Сперанскимъ.

было выпустить его дочери изъ Перми безъ разрѣшенія высшаго начальства, тогда Михайла Михайловичъ со скорбію, весьма растроганнымъ голосомъ, говорилъ мнѣ:

— Пусть я виноватъ, пусть сошлютъ меня въ Нерчинскъ, но чѣмъ виновата моя дочь, за что и она должна страдать! Что ей здѣсь дѣлать? Общество у губернатора и вездѣ для нея закрыто; образованіе ея достигло до той степени, что высшаго не могу ей здѣсь дать въ искусствахъ, а мнѣ она въ тягость.

«Михайла Михайловичъ пользовался въ Перми самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ и съ недѣлю только не выходилъ изъ дому за простудою уха; но и эта болѣзнь была, кажется, больше приманкою къ себѣ доктора Граля ¹⁾ изъ другихъ видовъ, потому что съ нѣкоторою досадою говорилъ:

— Знаю я вѣрнѣйшее и самое скорое средство для излѣченія уха (смоляную паклю съ одеколономъ); но мнѣ нужно было видѣть доктора для объясненій съ губернаторшею по займу денегъ, и вотъ онъ такъ растравилъ ухо припарками, что нельзя выйти.—

«Еще, когда сблизился съ архіереемъ и когда у него обѣдывалъ, то на другой день всегда лежалъ въ постели до 12-го часа, что относить надо къ наливкамъ, которыми любилъ угощать преосвященный очень настоятельно.

«Въ Перми водворилась, постепенно, общая къ Михайлѣ Михайловичу любовь; но тамошнія развлеченія едва ли были по его вкусу: играя въ горѣлки и бѣгая съ дѣвцами на загородныхъ гуляньяхъ, онъ, на замѣчаніе о томъ, выразился:

— Тысячу разъ лучше согласенъ бѣгать, чѣмъ сидѣть подлѣ губернатора за карточнымъ его столомъ.—

«Карты, которыя въ Перми поглощали все почти время, онъ вообще ненавидѣлъ. Козьма Михайловичъ ²⁾, съ которымъ мы часто прогуливались и который бывалъ у насъ въ домѣ по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю, часто говаривалъ мнѣ, что развѣ только въ раю было бы лучше для него жить.

— Нуля не стоили вся прежняя моя жизнь, говорилъ онъ, и все мое ученіе университетское противъ нынѣшней жизни и бесѣды съ братомъ; въ полгода я сдѣлался и добрѣе, и умнѣе, и образованнѣе.

«Живя въ Перми, Михайла Михайловичъ не только въ праздники, но иногда и въ будни ходилъ въ церковь къ заутренямъ и обѣднямъ

¹⁾ Къ слову о докторѣ Гралѣ. Поповъ прибавляетъ, что въ Перми такъ согласно тогда жили, что всѣ дни были разобраны, и холостому не нужно было имѣть своей кухни. Граль, въ теченіе 45-ти-лѣтней тамъ службы, ни разу, кромѣ болѣзненныхъ случаевъ, не обѣдалъ у себя дома.

²⁾ Сперанскій.

и во всѣ посты говѣлъ, въ великій дважды, на первой и послѣдней недѣлѣ. Благочестіе это было ли благочестіемъ—не знаю. Рассказывая, въ первое еще время своего пребыванія, что отъ многолюдства за заутреней въ Николинъ день очень вспотѣлъ и на выходѣ простудился, онъ тѣмъ крайне удивилъ меня.

— Ужели—спросилъ я—вы изволили быть у заутреней?

— Каменіемъ побіють, когда бъ не былъ,—отвѣчалъ онъ.

«Но въ другое время, гораздо спустя, послѣ приобщенія его Святыхъ Таинъ, зашелъ я по обычаю его поздравить и, за отсутствіемъ всѣхъ людей, прошелъ безъ доклада въ его спальню, бывшую вмѣстѣ и кабинетомъ. Тутъ я увидѣлъ его лежащимъ на полу, на коврѣ, сіяющимъ и лучезарнымъ, точно святымъ! Любилъ онъ также благотворить въ острогѣ, говоря, что между виноватыми есть тамъ и невинные.

«Переводъ изъ Нижняго въ Пермь разумѣлъ Михайла Михайловичъ особеннымъ благодѣяніемъ ему государя, потому что осень 1812 года могла бы быть для него печальною въ Нижнемъ, по общему на него озлобленію всѣхъ состояній и наиболѣе дворянства, которое въ огромномъ числѣ съѣхалось тогда въ этотъ городъ.

«Изъ Петербурга было предписаніе почасту доносить о поведеніи Михайла Михайловича. Почтмейстеръ, котораго онъ разумѣлъ добрымъ, но почти глупымъ человѣкомъ и который, впоследствии, былъ ревностнымъ его почитателемъ, имѣлъ неосторожность хвалиться, что Михайла Михайловичъ находится и подъ его надзоромъ.

— Кому же лучше какъ не ему и надзирать за мною: вѣдь я всякой день мимо его оконъ прогуливаюсь!—говорилъ онъ.

«Этотъ же почтмейстеръ какъ-то вызвался дать прочесть такую книгу, которой и за 10 тысячъ рублей нигдѣ не найти. Возбудивъ тѣмъ живѣйшее любопытство Михайла Михайловича, онъ, по убѣдительной его просьбѣ, прислалъ эту книгу въ запечатанномъ конвертѣ. Оказались Записки Артамона Матвѣева.

— Я ему эту книгу въ каждой петербургской книжной лавкѣ за два съ половиной куплю; но нечего дѣлать, надо двѣ недѣли поддержать и возвратить съ благодарностію—шутя говорилъ Михайла Михайловичъ и отослалъ книгу, не читавши.

«Въ Перми какъ-то заговорили, что онъ продалъ отечество не за деньги, а за польскую корону.

— Слава Богу!—сказалъ онъ, перекрестясь—начинаютъ лучше обо мнѣ думать; за корону все-таки извинительнѣе соблазниться».

Во время общаго гоненія на Сперанскаго, чувство теплаго довѣрія къ человѣчеству было въ немъ поддержано, между прочимъ, благородными дѣйствіями семейства Лазаревыхъ, состоявшаго въ давнишней

пріязни съ бывшимъ государственнымъ секретаремъ. Христофоръ Іоакимовичъ Лазаревъ, тогда еще почти юноша ¹⁾, отважился посѣтить Сперанскаго еще въ ту эпоху, когда всѣ умы въ Перми были сильно предрасположены противъ него, и вопреки совѣтамъ пермскаго губернатора Гермеса ²⁾. Послѣдній предостерегалъ молодаго человѣка отъ дурныхъ послѣдствій, которыя можетъ имѣть для него такое посѣщеніе, если вѣсть о немъ дойдетъ до Петербурга.

— Какъ рѣшились вы навѣстить меня?—было и вопросомъ самого Сперанскаго при первомъ ихъ свиданіи,—меня, котораго и на улицѣ всѣ бѣгаютъ, какъ чумнаго!

Впослѣдствіи Лазаревъ успѣлъ познакомить пермскаго пустытника съ нѣсколькими духовными лицами изъ Соликамска, отличавшимися преимущественнымъ просвѣщеніемъ, и съ нѣкоторыми также изъ числа управлявшихъ частными горными заводами. Сперанскій любилъ бесѣдовать съ ними, разспрашивалъ ихъ съ обыкновенною своею любознательностію обо всемъ, представлявшемъ какой-нибудь мѣстный интересъ, и, записывая, что слышалъ отъ нихъ любопытнаго, часто говорилъ молодому своему пріятелю:

— Вы мнѣ открыли такіе источники, изъ которыхъ я многому научился!

Въ пребываніе Сперанскаго въ Перми, туда пріѣзжали еще: извѣстный заводчикъ и богачъ Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, который, однако, съ нимъ не видѣлся, за чтò, по словамъ Попова, названъ имъ былъ у мнѣ челоуѣкомъ, сенаторъ князь Шаховской и, наконецъ, Константинъ Васильевичъ Злобинъ, жившій въ Перми съ недѣлю и бывавшій у Сперанскаго съ утра до ночи.

Стѣсненный крайностію и постоянно преслѣдуемый оскорбленіями, Сперанскій рѣшился, въ ноябрѣ 1812 года, о своихъ нуждахъ и страданіяхъ довести до свѣдѣнія государя черезъ министра полиціи А. Д. Балашова ³⁾, который не замедлялъ отвѣтомъ. Письмо Балашова, отъ 6-го декабря 1812 года, было слѣдующаго содержанія ⁴⁾:

«Милостивый государь мой Михайла Михайловичъ! Письмо вашего превосходительства и всеподданнѣйшее прошеніе я имѣлъ честь получить и повергнулъ высочайшему усмотрѣнію. Государю императору угодно было опредѣлить на содержаніе ваше 6.000 рублей въ годъ, что

¹⁾ Впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ и попечитель Лазаревскаго института въ Москвѣ.

²⁾ Разсказъ Х. І. Лазарева.

³⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 84—85.

⁴⁾ Письмо это напечатано тамъ же, стр. 85, но не вполнѣ: выпущено мѣсто, набранное разрядкою.

для исполненія отъ меня уже и сообщено г. министру финансовъ. Касательно отобраннаго письма вашего отъ посланнаго, его величество изволилъ отозваться, что причиною сего былъ видъ скрытности, тому отправленію данный, то-есть, что письмо не было показано губернатору и было зашито въ шапкѣ, что изволилъ находить не соотвѣтствующимъ положенію вашему, равно и скрытность промѣна серебряныхъ денегъ. Я къ сему присовокупить долженъ, что, въ точнѣйшее изысканіе образа поступковъ г. губернатора, ему нынѣ подтверждено, дабы высочайшая воля вполнѣ и не далѣе предѣловъ, ею означенныхъ, была исполняема.

«О сынѣ г. Стевенсѣ я до сихъ поръ еще ничего не слыхалъ и исполнить желанія вашего превосходительства я не нахожу съ своей стороны никакого препятствія.

«Пребывать честь имѣю съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга А. Балашовъ».

Это возстановляемое теперь мѣсто въ письмѣ Балашова требуетъ особаго поясненія.

Сперанскимъ былъ приторгованъ въ Нижнемъ домъ вдовы Скуридиной ¹⁾, и онъ уже и жилъ въ немъ, давъ за него задатокъ. Вдругъ Сперанскаго отправили въ Пермь. Спустя послѣ того какой-нибудь часъ, является Скуридина съ настойчивымъ требованіемъ, чтобы г-жа Стивенсъ ²⁾ съ остальнымъ семействомъ тотчасъ очистила домъ. Только послѣ долгихъ просьбъ удалось вымолить у нея двѣ комнаты, почти людскія, но на условія выбраться и изъ нихъ какъ можно скорѣе. На переѣздъ въ далекую Пермь требовались, однако, деньги, а ихъ не было. Занявъ, вслѣдствіе того, у жены откущика Мартынова ³⁾ 500 рублей, которыхъ, по расчету, должно было достать до Казани, гдѣ братъ Сперанскаго, Козьма Михайловичъ, служилъ въ то время губернскимъ прокуроромъ, г-жа Стивенсъ съ внукою, сыномъ своимъ Франсисомъ и Анютою ⁴⁾, выѣхали изъ Нижняго 20-го сентября, т. е. черезъ пять дней послѣ Сперанскаго ⁵⁾. Но въ Казани ожидало

¹⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 58.

²⁾ Теща Сперанскаго.

³⁾ Тамъ же, стр. 54.

⁴⁾ Побочною дочерью Маріанны Злобиной, воспитывавшея у Сперанскаго (см. замѣтку барона М. А. Корфа въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 г., книга третья, стр. 55—57).

⁵⁾ Губернаторъ, разрѣшивъ имъ выѣздъ, тотчасъ донесъ о томъ министру полиціи. Любопытно, что паспортъ былъ выданъ на имя „г-жи Стефенсъ, иностранки, вдовы англійской службы полковника“,— вмѣсто: пастора. (Донесеніе губернатора Балашову отъ 20-го сентября 1812 года и ордеръ нижегородскому полиціймейстеру отъ 19-го сентября).

ихъ письмо, оставленное послѣднимъ при своемъ проѣздѣ. Онъ уговаривалъ ихъ не ѣхать далѣе, прежде чѣмъ установится зимній путь. Нетерпѣніе дочери быть опять вмѣстѣ съ отцомъ не позволило ей, однако, согласиться на такую неопредѣленную отсрочку, и по усиленнымъ ей настояніямъ г-жа Стивенсъ рѣшилась отправить въ Пермь нарочнаго, съ письмомъ, въ которомъ онѣ просили разрѣшить имъ пріѣхать немедленно. Этотъ нарочный—слуга Василій, давній Сперанскому отъ Столыпина въ качествѣ челоуѣка самаго вѣрнаго и надежнаго—едва уѣхалъ, какъ къ Козьмѣ Михайловичу пришла бумага, что онъ увольняется отъ службы. Эта вѣсть, всѣми—кромѣ его самого—послѣ падепія его брата давно ожидаемая, совершенно оразила бѣдняка. Дальнѣйшее пребываніе въ Казани сдѣлалось ему, послѣ этого, невыносимымъ, и онъ сталъ ожидать отвѣта изъ Перми съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ его племянница. Но время, рассчитанное для проѣзда Василія въ оба пути, давно прошло, прошло даже болѣе, нежели вдвое, а его все еще не было. Тогда колонія нашихъ страдальцевъ рѣшилась дѣйствовать самостоятельно. Они всѣ вмѣстѣ пустились въ путь, и уже только за какія-нибудь сутки до прибытія въ Пермь встрѣтили своего посланнаго, но—безъ письменнаго отвѣта.

Какая же была тому причина?

«Не бывъ какъ-то у Михайла Михайловича нѣсколько дней—пишетъ Поповъ—и зайдя къ нему однимъ утромъ, я встрѣтилъ его отправляющимся на прогулку.

— Мнѣ—сказалъ онъ—нужно вотъ что сказать вамъ. Домашніе мои прислали ко мнѣ изъ Казани челоуѣка съ письмами, требуя разрѣшенія, нынче ли еще осенью имъ ко мнѣ ѣхать, или дожидаться зимняго пути? Съ пріѣзда этого посланца безпрестанно стали появляться въ моей квартирѣ то явные, то замаскированные полицейскіе для развѣдыванія, поѣдетъ ли онъ назадъ и когда, и, наконецъ, самъ губернаторъ, прежде ни разу у меня не бывавшій, пріѣхалъ съ визитомъ. Не нужно было догадываться, что это значить. Я рассказалъ ему о пріѣздѣ челоуѣка и предложилъ прочесть самыя письма, которыя на ту пору случайно лежали раскрытыя на столѣ, но онъ отказался; я объяснилъ ему, что и отвѣчать намѣренъ. Онъ смолчалъ. Челоуѣку же моему, отправляя его въ тотъ же день обратно съ моимъ отвѣтомъ, я приказалъ, въ случаѣ если—какъ то можно было предвидѣть—его схватятъ и если потомъ опять выпустятъ, а письмо задержать, рассказать моимъ отвѣтъ на словахъ. На другой день иду къ губернатору и говорю ему:

— За что вы моего челоуѣка схватили въ Оханскѣ¹⁾, привезли назадъ сюда и засадили въ острогъ?

¹⁾ Уѣздный городъ, въ 67-ми верстахъ отъ Перми, на трактѣ къ Казани.

— А вы какъ это знаете?

— Я слышалъ въ церкви—отвѣчаю ему—возлѣ меня двое какихъ-то постороннихъ людей о томъ между собою толковали; но теперь извините, если я буду, черезъ васъ же, на васъ жаловаться; я присланъ сюда подъ ваше охраненіе, а между тѣмъ сколько долженъ былъ, не видя никакой защиты, вытерпѣть оскорбленій!—Тутъ все я ему выпѣлъ, и какъ рекруты чуть меня не убили (?). Онъ сконфузился и всячески просилъ и убѣждалъ меня не жаловаться, но мнѣ непремѣнно нужно было имѣть дорогу для отсылки письма къ государю, которое я и заставилъ его принять».

Дочь Сперанскаго въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ это происшествіе въ нѣсколько иной обстановкѣ. По ея словамъ, отецъ ея показавъ губернатору и ея письмо, и свой отвѣтъ, въ которомъ было одно короткое разрѣшеніе ѣхать въ Пермь тотчасъ, закупивъ только въ Казани нѣкоторыя нужныя вещи, и губернаторъ, прочитавъ оба письма, не нашелъ препятствія къ отправленію Василія. Но какъ только послѣдній пустился въ дорогу, онъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдять, и потому, при переѣздѣ черезъ какую-то рѣку, предпочелъ бросить отвѣтное письмо своего барина въ воду. Ему, однако, не дали этого сдѣлать: онъ былъ схваченъ, привезенъ, вмѣстѣ съ письмомъ, обратно въ Пермь, засаженъ въ тюрьму и выпущенъ изъ нея только черезъ нѣсколько дней, но безъ письма. Оно было отослано, въ подлинникѣ, къ государю въ главную квартиру, и Василій встрѣтилъ своихъ господъ съ пустыми руками и съ однимъ отвѣтомъ изустнымъ, уже опоздавшимъ ¹⁾.

«Происходило ли дѣло такъ или иначе—замѣчаетъ Корфъ,—этотъ вопросъ, относясь болѣе къ личной характеристикѣ трусливаго пермскаго губернатора Гермеса, не имѣетъ для насъ особаго значенія. Видимъ только, что въ обоихъ вышеприведенныхъ разказахъ умолчано одно, довольно существенное обстоятельство, выведенное въ письмѣ Балашова, именно, что отвѣтъ Сперанскаго былъ зашитъ въ шалкѣ его посланнаго; этимъ, конечно, оправдывалось подозрѣніе мѣстнаго начальства, которое не могло не видѣть во ввѣренномъ его надзору лицѣ челоуѣка, заточеннаго хотя за тайныя, но, по строгости принятыхъ противъ него мѣры, вѣрно уже не маловажныя государственныя вины.

«Но съ какою цѣлью принята была такая мѣра опасливой предосторожности при отправленіи отвѣта Сперанскаго? Мы сами читали его въ дѣлѣ III-го Отдѣленія, гдѣ это письмо и теперь еще хранится, и удостовѣрились, что все содержаніе его было точно то самое, какое

¹⁾ Е. М. Фролова-Багрѣва прибавляетъ, что добрый малый, изъ опасенія испугать ее понапрасну, при первой встрѣчѣ совсѣмъ умолчалъ о случившемся, а позже, когда она спрашивала его о подробностяхъ, всегда, покачивая головою, отвѣчалъ, что лучше не говорить о „политическихъ дѣлахъ“.

указано Е. М. Фроловою-Багрѣвою. Зачѣмъ же было за ш и в а т ь в ъ ш а п к у такое письмо, которое можно было отправить безъ страха даже и по почтѣ? Или не было ли это личною затѣею осторожнаго Василія, который, можетъ статья, воображалъ, что во врученномъ ему письмѣ есть и что-нибудь больше переданнаго ему на словахъ?»

Къ срединѣ 1814 года война противъ Наполеона была окончена. Россія и Европа праздновали свою побѣду и миръ; русскій монархъ стоялъ на высшей ступени славы и величія. Сперанскій выбралъ это время, чтобы напомнить о себѣ императору Александру. 9-го іюля 1814 года онъ отправилъ къ государю изъ Перми письмо, въ которомъ, принося поздравленія по случаю заключенія міра, между прочимъ, писалъ: «Тому полтора года, какъ, бывъ принужденъ разстаться здѣсь съ моею дочерью, вручилъ я ей письмо ¹⁾ для поднесенія вашему величеству при первомъ вѣрномъ и удобномъ случаѣ. Не знаю еще, дошло ли оно до рукъ вашихъ. Содержаніе его, съ переменною обстоятельствомъ, не во многомъ измѣнилось. Я просилъ въ немъ единой милости: дозволенія скрыть остатокъ скорбныхъ дней моихъ въ маленькой деревнѣ близъ Новгорода, дочери моей по наслѣдству доставшейся. Сей самой милости и теперь испрашиваю, въ твердомъ упованіи на правосудіе и и милосердіе ваше ²⁾».

Обстоятельства, точно, были теперь иныя, — читаемъ въ замѣткахъ барона Корфа. Нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей уже умерли, другіе не находились болѣе при Александрѣ. Съ минованіемъ войны отпало и главное побужденіе ослы, или то, что было взято поводомъ къ ней. Но, чтобы указать связь событій, необходимо возвратиться къ извѣстнымъ врагамъ Сперанскаго, которыхъ дальнѣйшія судьбы не остались безъ вліянія и на его участь.

Армфельдъ, вслѣдъ за удаленіемъ Сперанскаго пожалованный членомъ Государственнаго Совѣта (3-го апрѣля 1812 года) и графскимъ титуломъ, въ томъ же апрѣлѣ сопровождалъ государя, въ числѣ самыхъ

¹⁾ Извѣстное пермское письмо. „Письмо это до 1839 года, оставалось совершенно невѣстнымъ—читаемъ въ дополнительныхъ замѣткахъ барона Корфа,—потому что подлинникъ былъ сданъ Александромъ, тотчасъ по полученіи, Аракчееву, между бумагами котораго въ Военномъ министерствѣ оно и теперь хранится, а самъ Сперанскій никогда никому о немъ не говорилъ. Уже только послѣ его смерти, при разборѣ его бумагъ, было найдено черновое, которое, по приказанію императора Николая I, отдано для храненія въ Государственный Архивъ; но, прежде передачи туда, государь позволилъ дочери Сперанскаго, Е. М. Фроловой-Багрѣвой снять для себя списокъ съ этого достопамятнаго акта, а оттуда онъ распространился потомъ и въ публикѣ“.

²⁾ „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 92.

приближенныхъ къ нему, въ Вильну. Послѣ, въ 1812-мъ же году, онъ находился при извѣстномъ свиданіи Александра, въ Або, съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ (Бернадотомъ) и немедленно затѣмъ былъ назначенъ къ исправленію должности финляндскаго генераль-губернатора, на мѣсто графа Штейнгейля, вызваннаго въ армію. Въ началѣ Армфельдъ продолжалъ пользоваться большою милостію и вліяніемъ на всѣ почти дѣла; но привязанности Александра были непрочны, и Армфельдъ вскорѣ это на себѣ испыталъ.

«Паденіе Армфельда—записано въ дневникѣ Сперанскаго по слышанному имъ позже (въ 1821 г.) отъ Балашова—послѣдовало отъ опыта, отъ перемѣны и скорого движенія военныхъ дѣлъ, и особенно отъ того, что онъ—посѣтилъ Палена» ¹⁾.

Другой человекъ, близко знавшій обстоятельства того времени, извѣстный уже намъ де-Сангленъ, также утверждаетъ, что Армфельдъ ѣздилъ къ графу Палену (жившему, въ то время, въ курляндскомъ своемъ имѣніи) съ предложеніемъ, будто бы, безъ вѣдома государя сдѣланнымъ, взять на себя главное начальство надъ арміею: за это и за принятіе въ Вильнѣ, кажется отъ Радзивилловъ, нѣсколькихъ верховыхъ лошадей съ полною сбруею, государь сдѣлалъ ему строгій выговоръ и съ тѣхъ поръ сталъ обращаться съ нимъ чрезвычайно холодно. Наконецъ, приближенный въ то время къ Армфельду человекъ, послѣ вице-предсѣдателя финляндскаго сената (подъ конецъ жизни членъ нашего Государственнаго Совѣта) Гартманнъ увѣрялъ насъ, что самое порученіе генераль-губернаторской должности было однимъ только послѣдствіемъ желанія Александра удалить отъ себя этого тонкаго интригана, котораго ему невозможно было напослѣдокъ не прозрѣть. Какъ бы то ни было, но Армфельдъ потерялъ всякое политическое значеніе и, послѣ долговременной и тяжелой болѣзни, умеръ, въ Царскомъ Селѣ, 7-го августа 1814 года. Государь нѣсколько разъ навѣщалъ его во время его страданій; но, по словамъ Гартманна, эти посѣщенія начались только послѣ неоднократныхъ завѣреній лейбъ-медика Крейтона, что больному уже не встать. Другіе ²⁾ говорятъ, что, въ одно изъ такихъ свиданій, Армфельдъ, чувствуя приближеніе смерти и желая очистить передъ государемъ человекъ, въ гибели котораго прежде столь дѣятельно участвовалъ, торжественно провозгласилъ невинность Сперанскаго во взведенныхъ на него клеветахъ.

¹⁾ Сынъ Палена, знаменитый нашъ ветеранъ графъ Петръ Петровичъ, сказывалъ намъ, что никогда не слышалъ объ этомъ посѣщеніи, но отъ того можетъ статься, что находился въ то время неотлучно при арміи.

(Примѣч. барона М. А. Корфа).

²⁾ Домашній секретарь Армфельда Энгельбахъ, умершій нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Ливорно.

Шведскій писатель Крузенстолпе, въ книгѣ «Carl Johann und die Schweden», которая, впрочемъ, больше романъ, нежели исторія, съ своей стороны пишетъ, будто бы девятимѣсячная смертельная болѣзнь Арифельда произошла отъ даннаго ему (къмъ?) медленнаго яда ¹⁾. Тотъ же писатель увѣряетъ, что послѣднія слова Арифельда къ государю заключались въ предстательствѣ за несчастнаго принца Густава, но о Сперанскомъ тутъ ничего не сказано ²⁾.

Судьбы другаго главнаго врага Сперанскаго, котораго послѣдній называлъ «дерзкимъ въ счастіи и бабою въ несчастіи»,—мы говоримъ о графѣ Растопчинѣ—болѣе извѣстны. Упорный и заносчивый его характеръ, а также отважный до нахальности языкъ не могли быть угодны Александру. Что любилъ нѣкогда въ этихъ вспышкахъ молодой великій князь, втайнѣ озлобленный противъ тогдашняго правительства и своего положенія, то, въ ревнивомъ къ власти своей императорѣ, возбуждало одно лишь неудовольствіе и мрачныя подозрѣнія. Сверхъ того, извѣстное происшествіе съ Верещагинымъ внушило Александру особенное отвращеніе къ человѣку, который могъ рѣшиться, хотя бы и для самой святой цѣли, на такой звѣрски-самовластный поступокъ. Покамѣстъ продолжалась война, Растопчинъ былъ терпимъ по необходимости; но съ прекращеніемъ военныхъ бурь окончилась и его политическая карьера. 30-го августа 1814 года онъ былъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго въ Москвѣ и, съ пожалованіемъ въ тотъ же день въ члены Государственнаго Совѣта, тогда же отпущенъ въ безсрочный отпускъ. Уѣхавъ, вслѣдъ за тѣмъ, въ чужіе края, онъ, по окончательномъ низверженіи Наполеона, основалъ постоянное свое пребываніе въ Парижѣ. Милость Александра никогда уже болѣе къ нему не возвращалась ³⁾.

Наконецъ Балашовъ.—«Въ мартѣ 1812 года—пишетъ онъ въ оставленныхъ послѣ себя Запискахъ—государь изволилъ мнѣ сказать, что собирается ѣхать въ армію и не знаетъ, какъ ему со мною быть; что желалъ бы раздѣлить меня на двѣ части и одну взять съ собою, а другую оставить въ столицѣ, для управленія въ его отсутствіи, и спрашивалъ мои о томъ мысли. Я отвѣчалъ, чтобъ сдѣлалъ милость государь, рѣшилъ бы это обстоятельство безъ меня; что же касается до моихъ

¹⁾ Carl Johann und die Schweden, ч. II, стр. 110.

²⁾ Тамъ же, стр. 111.

³⁾ Извѣстны стихи, которые Растопчинъ самъ написалъ къ своему портрету:

„Безъ дѣла и безъ скуки
Сажу, поджавши руки“.

Въ Россію онъ воротился въ 1823 году и 14-го декабря, по собственной просьбѣ, уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ только прежняго званія оберъ-камергера. Умеръ 13-го января 1826 года.

дѣлъ, то они такъ устроены, что я могу и оставаться, и ѣхать, какъ будетъ приказано. Рѣшено было, чтобы я ѣхалъ и, по довольномъ разсмотрѣніи и разсужденіи, послѣдовалъ рескриптъ ко мнѣ, 28-го марта, поручить должность министра полиціи и начальство надъ городомъ сдать генералу-отъ-инфантеріи Сергѣю Козьмичу Вязмитинову».

Такъ говорить о себѣ самъ Балашовъ, и тѣ же самыя подробности «о раздѣленіи его на двѣ части», въ тѣхъ же самыхъ словахъ, рассказывалъ намъ человекъ, никогда не слыхавшій о существованіи Записокъ министра полиціи, но очень въ то время къ нему близкій, и именно тогдашній петербургскій оберъ-полицеймейстеръ Иванъ Саввичъ Горголи (умершій въ 1862 году сенаторомъ). Онъ прибавлялъ, однако, кое-что, о чемъ Балашовъ умалчиваетъ. Государь, прикрывая истинныя свои побужденія видомъ особенной благосклонности, взялъ его съ собою единственно для того, чтобы освободить себя отъ сплетней и интригъ, которыми нашъ Фушѣ безпрестанно утомлялъ его по довѣреннымъ своимъ званіямъ министра полиціи и военнаго генералъ-губернатора столицы, и для которыхъ, съ начатіемъ войны, должно было открыться еще обширнѣйшее поле. Изъ двухъ золь Александръ предпочелъ меньшее, и 17-го апрѣля Балашовъ послѣдовалъ за нимъ въ Вильну, откуда, въ іюнь, былъ отправленъ въ главную квартиру Наполеона съ извѣстною своею безуспѣшною миссіею. Потомъ, сопроводивъ государя въ Москву и оттуда опять въ Петербургъ и объѣздивъ, по его приказанію, опустошенныя непріателемъ мѣста, онъ слѣдовалъ при императорской квартирѣ за-границу. Здѣсь, въ концѣ 1813 года, отправили его съ русскими орденами къ принцу-регенту въ Лондонъ, а въ началѣ 1814 года съ дипломатическимъ порученіемъ къ королю неаполитанскому Мюрату. Объ этомъ послѣднемъ порученіи находившійся тогда при Александрѣ статсъ-секретарь М. Р. Марченко въ Запискахъ своихъ замѣчаетъ: «Государь отдѣлался отъ неотвязнаго Балашова командировкою въ Неаполь, гдѣ и загрузъ онъ такъ, что осенью умолялъ позволить ему ѣхать въ Петербургъ ¹⁾». Получивъ, наконецъ, просимое дозволеніе, титулярный министръ полиціи воротился въ августѣ 1814 года.

Во все это время, какъ еще долго и послѣ, положеніе его было едва-ли не безпримѣрное въ лѣтописяхъ нашей администраціи. Балашовъ сохранялъ свои званія, засѣдалъ, въ наѣзды свои въ Петербургъ, въ Государственномъ Совѣтѣ и даже въ Комитетѣ министровъ,—но и только. При живомъ, часто наличномъ и постоянно здоровомъ министрѣ, должность его продолжалъ исправлять другой — Вязмитиновъ. На безпрестанныя исканія и домогательства Балашова о дозволеніи самому

¹⁾ Въ автобіографической запискѣ Марченка, напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., объ этомъ не упоминается.

ему вступить снова въ эту должность, Александръ отвѣчалъ ему всегда уклончиво, то нежеланіемъ огорчить престарѣлаго Вязмитинова, то надобностію въ Балашовѣ для другихъ будто бы дѣлъ, которыхъ, однако, ему не поручалось, и т. п. ¹⁾). Всѣ, кажется, наконецъ даже онъ самъ, понимали, что это—одни лишь предлоги, а настоящая причина заключается въ перемѣнѣ о немъ мыслей. Балашову уже не суждено было никогда вступать въ прежнія должности. Чтобы ему не быть снова министромъ, самое министерство полиціи было впоследствии уничтожено. Александръ остался вѣренъ тому, что сказалъ де-Санглену: «Министерства и министра полиціи болѣе не будетъ; мнѣ второй экземпляръ Палена не нуженъ ²⁾».

Прослѣдимъ теперь числа:

9-го іюля 1814 года Сперанскій отправилъ свое письмо государю.

7-го августа умеръ Армфельдъ. Отстраненіе перваго врага, и притомъ, если вѣрить слухамъ, съ торжественнымъ оправданіемъ Сперанскаго.

30-го августа кончилось государственное поприще Растопчина. Паденіе втораго врага.

30-го же августа третій врагъ, Балашовъ,—ничтожнѣйшій, впрочемъ, изъ воѣхъ, потому что онъ въ то время не игралъ болѣе никакой роли—былъ осыпанъ, безъ всякаго видимаго къ тому повода, наградами. Ему дали Владиміра 1-й степени, женѣ его—орденъ Екатерины 2-й сте-

¹⁾ Балашовъ въ своихъ Запискахъ очень подробно описываетъ всѣ изустныя и письменныя о томъ объясненія свои съ государемъ, продолжавшіяся нѣсколько лѣтъ. Съ этой стороны Записки его, имѣющія, впрочемъ, мало общаго интереса, представляютъ любопытныя черты для характеристики Александра. Онъ внутренно презиралъ Балашова, почти гнушался имъ, и между тѣмъ все изыскивалъ благовидные предлоги, чтобы не облачить истинныхъ своихъ чувствъ. Но публика догадывалась. Въ одной современной рукописной сатиры на сановниковъ той эпохи противъ имени Балашова былъ приведенъ стихъ извѣстной русской пѣсни: „Мнѣ моркотно молоденьку, нигдѣ мѣста не найду!“.

²⁾ См. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 14. — Двусмысленное положеніе Балашова продолжалось — почти невѣроятно — до конца 1819 года. Самыя просьбы объ отставкѣ, на которыя онъ иногда, въ минуты крайней досады, покушался, были также отклоняемы, или оставляемы совсѣмъ безъ отвѣта. Наконецъ, въ октябрѣ 1819 г. Вязмитиновъ умеръ, и надлежало на что-нибудь рѣшиться. Вслѣдствіе того, 4-го ноября, военнымъ генералъ-губернаторомъ с.-петербургскимъ назначенъ былъ графъ Милорадовичъ; министерство полиціи, „для лучшаго“—какъ сказано въ указѣ—„распредѣленія дѣлъ“ (Полн. Собр. Законовъ, № 27964), присоединено снова къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а Балашова—обошли въ молчаніи. Уже только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его опредѣлили генералъ-губернаторомъ пяти губерній (Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской), на особыхъ правахъ, для него созданныхъ и съ нимъ же потомъ и прекратившихся.

пени. Тщеславіе его было вполне удовлетворено. Александръ зналъ, чѣмъ купить покорность и молчаніе своего эксъ-министра.

Съ этого времени и перемѣна въ положеніи Сперанскаго сдѣлалась возможною. По крайней мѣрѣ она тотчасъ затѣмъ послѣдовала.

30-го августа того же 1814 года, въ день именинъ государя, состоялся милостивый манифестъ о всепрощеніи преступниковъ. Судьба Сперанскаго была поставлена—надѣмся, для чести Александра, только случайно—въ печальное сближеніе съ судьбою разбойниковъ и убійць! Не далѣе, какъ на другой день, т. е. 31-го августа, управлявшій министерствомъ полиціи графъ Вязмитиновъ увѣдомилъ его, что государь «всемилоостивѣйше изволяетъ на желаніе его жить въ новгородской его деревнѣ Великополье, въ полной будучи увѣренности, что скромное въ оной житіе его не подастъ повода къ какимъ-либо въ отнѣну сего мѣрамъ; о сопровожденіи же его туда съ симъ вмѣстѣ даю знать пермскому губернатору ¹⁾».

19-го сентября Сперанскій выѣхалъ изъ Перми, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника (частнаго пристава Матвѣева).

«Всѣ чиновники и знатнѣйшіе горожане—пишеть И. В. Поповъ въ своей запискѣ—предполагали было торжественно проводить своего двухлѣтняго гостя до Оханска; но губернаторъ Гермесъ втайнѣ то отсоевѣтовалъ, приводя, что его велѣно везти до деревни подъ полицейскимъ надворомъ и, по приѣздѣ, рапортовать министру. Всѣ и отдумали. Провожали только: почтмейстеръ до первой станціи и я—до Оханска. Однакожь всѣ простились, и чѣмъ кто богать, тѣмъ и радъ былъ служить въ дорогу: винами, разнымъ печеньемъ, фруктами—всѣмъ, что у кого было лучшее. «Очень мнѣ жаль—говорилъ на прощаньи отъѣзжавшій Сперанскій,—что не могу увести съ собою въ карманъ вашу Каму».

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

¹⁾ „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 92.